

Творческий портрет

ПОНЯТЬ
СЕРДЦЕМ

В Курске многие знают эту маленькую, изящную женщину с живыми глазами и доверчивой улыбкой. Не одно поколение зрителей встречалось с нею на сцене. Это Антонина Ивановна Губардина. С театром связана вся ее жизнь. Училась в Москве в музыкально-театральном училище имени Глазунова, позднее преобразованном в отделение музыкальной комедии ГИТИСа. Начала творческий путь в пензенском театре. Потом работала в Кишиневе, Ереване, Тбилиси, других городах.

С 1959 года выступает в курском театре. Почти четверть века. Вот почему теперь, когда исполнилось 35 лет сценической деятельности Антонины Ивановны, можно сказать, что самое значительное место в ее творческой биографии занимает именно наш театр. Здесь совершенствовалось мастерство, здесь пришла творческая зрелость.

На курской сцене сыграно около семидесяти ролей. Конечно, немало настоящих удач было и раньше. Не станем перечислять. Но актриса помнит те роли. Да и как забыть, например, работу в спектакле «Киквидзе», о которой тепло писала грузинская пресса. Никогда не забыть, как в том же Тбилиском русском драматическом театре имени А. С. Грибоедова играла Анку в «Макаре Дубраве» с знаменитым Павлом Луспекаевым, тогда так же одним из молодых актеров труппы.

И все же курский театр был и остается для актрисы самым дорогим, самым главным — ее родным домом, с которым связаны все радости, все думы. Все главные творческие свершения. Признанием значимости работы А. И. Губардиной явилось присвоение ей звания заслуженной артистки РСФСР.

Одна из первых наиболее значительных работ в Курске — Валя в «Иркутской истории». В этой роли проявилось сценическое обаяние актрисы. Арбузовская «Иркутская история» со своей психологически точной разработкой характера героини дала возможность исполнительнице показать сложное духовное перерождение Валентины, раскрыть очищающую силу любви. Зрители признали Вале — Губардиной, полюбили ее как своего, близкого человека. И когда вско-

ре актриса предстала в роли Анечки, жены командира корабля в спектакле «Океан», зрительный зал с волнением и сочувствием следил за трудной судьбой этой славной и мудрой женщины, теплом своего сердца разбивающей лед непочтения, охлаждения любимого мужа.

Антонине Ивановне довелось немало и плодотворно работать в русском классическом репертуаре. Особенно повезло на встречи с А. Н. Островским. Поликсача в комедии «Правда хороша, а счастье лучше», Домна Пантелевна в «Талантах и поклонниках» и Анфиса в «Волках и овцах» ярко обнаруживают комедийный дар актрисы, ее умение прочувствовать драматургический материал, выстроить характер одновременно убедительный и колоритный, сочный, с использованием юмористических, а порой и сатирических красок. Но, если говорить о классике, то, думается, самой дорогой для актрисы все-таки была и осталась Маша из чеховской «Чайки». Тихо и незаметно скользит на Маша, а ее тень среди берез, в комизмах усадьбы, и все больше и больше обнаруживается ее боль, ее безответная любовь к Треплету, хотя актриса ничего явно не подчеркивает, не обнажает. Только скорбно сдвинуты брови, только взгляд полон тоски. Губардина проникла в чеховскую интонацию, сумела сделать ее своей, пережитой и органичной.

Судьба Маши очень похожа на судьбу Меланьи из горьковских «Детей солнца». Но характеры разные. Героиня Чехова пассивна. Меланья же активно борется за свое счастье, она действует, пусть нелепо, беспомощно, но действует. И артистка хорошо осознает эту разницу, хотя и делает этих женщин чем-то неуловимо близкими. Она придает Меланье ту же растерянность, то же отчаяние, которые были свойственны и ее Маше. И обоих наделяет чистым и трепетным сердцем, которое они приносят в жертву любимым.

Нередко просматриваются и другие параллели, своеобразное родство души. Так, Анечка, несомненно, могла быть сестрой Женьки из спектакля «Двадцать дней без войны». Это разные персонажи, и актриса ничуть не повторяется. Однако ее героинь объединяют душевная щедрость, женская доброта и

умение многое понять сердцем.

Есть определенное родство и у Исабель («Дама-невидимка»), Сюзанны («Женитьба Фигаро») и Ханумы («Ханума»). Все они находчивы, остроумны, изобретательны, а главное жизнерадостны и озорны. Исполнительница не жалеет броских красок. Здесь сказалось стремление Губардиной к рисунку живописному, искрометному, переливающему всеми оттенками веселости, шутки, розыгрыша. Или совсем иные Хильда («Остина») и Завальска («Сверчок»), а затем Махора («Любовь Яровая») и Тата Нерадова («Между ливнями»). Каждый раз — это варианты судеб и характеров, варианты, изученные и открытые для сцены мастерством актрисы. Наверное, в этом-то и состоит прелесть творчества, что в похожем ищется различие, просматриваются всевозможные грани внутреннего мира персонажей.

Рядом с образами русских женщин, с нашими современницами в творческой биографии Антонины Ивановны стоят женщины других стран и эпох. Ей пришлось на сцене быть француженкой, испанкой, полькой, чешкой, кубинкой, англичанкой, венгеркой, японкой, в разное время она предстала перед нами и юной школьницей, и седовласой светской дамой, и темпераментной танцовщицей, и чопорной гувернанткой. Если вспомнить все это, то можно увидеть, как вновь и вновь проявляется главное актерское качество — быть тем, кого должен встретить зритель, зажечь жизнью своего персонажа, научиться мыслить и чувствовать, как этот новый, незнакомый ранее человек, как бы найти его в себе.

Но как бы ни звали героинь Губардиной, к какому бы социальному слою они ни принадлежали, кем бы ни были по национальности — перед нами женские характеры со своей радостью и болью, со своими ошибками и заблуждениями, с привычками, нравом, темпераментом, свойственными только каждой из них и никому другому. Их хочется понять, узнать полнее, одним посочувствовать, других, может быть, осудить и с каждой поговорить по душам, чтобы разобраться в житейских проблемах. И это потому, что они живые, узнаваемые, понятные даже тогда, когда их индивидуальные черты сознательно преувеличены и заострены до гротеска.

Одна из последних работ Губардиной — бабушка в спектакле «Восемь любящих женщин». Здесь своеобразно сочетаются два характерных для актрисы направления творческих поисков — точность психологического исследования и яркость сценической выразительности. Бабушка фальшивит, изворачивается и лжет, боясь обвинения в убийстве, и актриса делает этот персонаж одновременно смешным и страшным, она показывает, как корысть развела сердце, вытеснила из него любовь к дочери, привязанность к внукам, вообще человеческие чувства. Губардина, которая обычно любит своих героинь, тут безжалостно творит суд над эгоизмом и жадностью.

«Сценическое искусство, — писал Белинский, — есть искусство благодарное, потому что оно живет только в минуту творчества...» Сегодня уже сошли со сцены многие из пьес, в которых играла Губардина, отошли в прошлое многие ее роли. Но остались в памяти образы, ею созданные. Им на смену придут другие, вместе с которыми мы будем смеяться и плакать, размышлять и радоваться.

Е. БОГАТЫРЕВА.